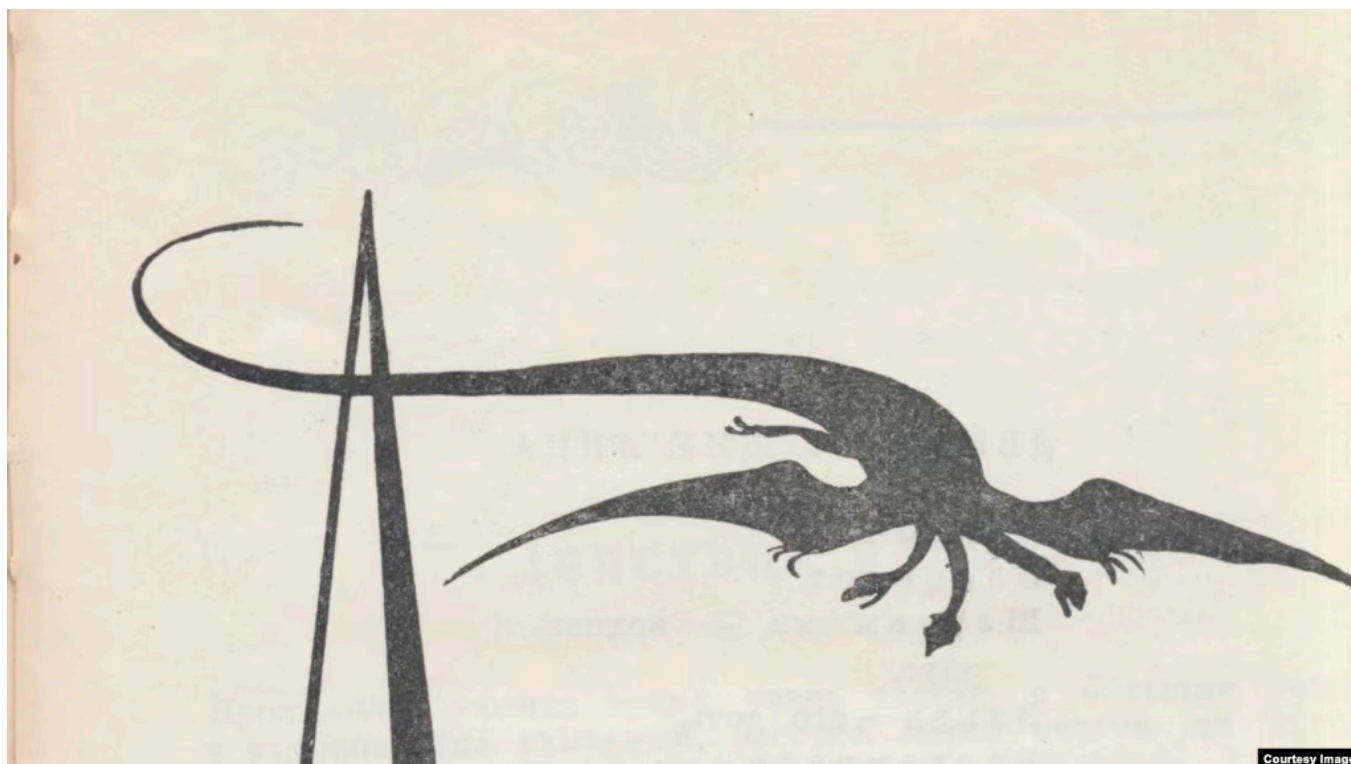

ГЕРОИ ИВ.ТОЛСТОГО

Идея Шварца

Иван Толстой

30 ноября 2025

Дракон над городом. Рис. Н. Акимова (фрагмент). Шмуцтитул кн: Е. Шварц. Клад, Снежная Королева, Голый Король, Тень, Дракон и др. Л., 1960.

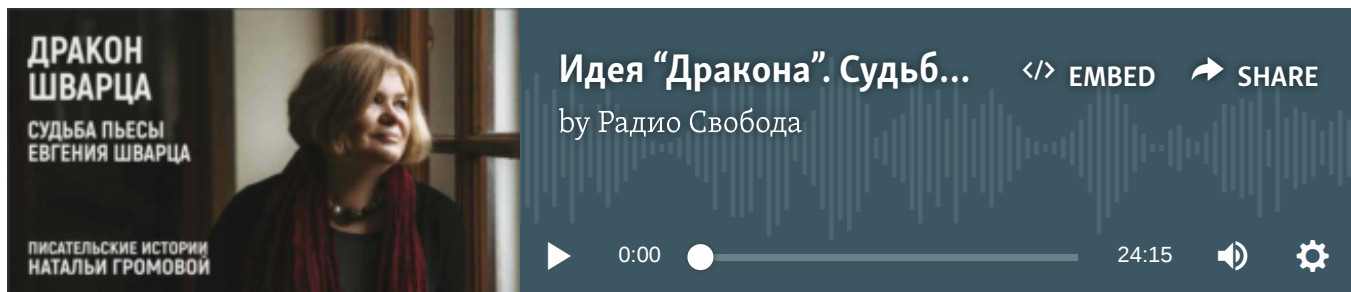
О пьесе Евгения Шварца Дракон, об истории замысла и опыте сценического воплощения рассказывает писательница Наталья Громова.

Как обойти блокировку?

[читать >](#)

Наталья Громова: Вначале хотелось бы разобраться в том, откуда вообще взялась эта идея, опасная для самого автора, потому что тогда внутри тоталитарной системы писать о тоталитарной системе удавалось только тем, кто писал в стол. Наша же пьеса три раза прошла в театрах и была опубликована в пятистах экземплярах как пьеса, прошедшая цензуру. Тем страннее появление “Дракона”.

[↗ Pop-out player](#)

[↓ Скачать медиафайл](#) ∨

Итак, откуда взялась у Евгения Львовича Шварца эта идея? Подобраться к этому почти невозможно, потому что Шварц в тех дневниках, которые он ведёт с войны, начиная с отъезда из блокадного Ленинграда (когда его спасают от дистрофии, фактически по просьбе Акимова он вылетает на самолёте), перед отъездом из блокадного Ленинграда, уже находясь в достаточно тяжёлом состоянии, в начале сорок второго года он сжигает все свои дневники и начинает их вести уже в Кирове. Они носят еще характер как бы описательный.

Надо сказать, что Шварца вообще отличала такая странная особенность - он почти не пишет никак о своих замыслах и вообще о творческой истории своих работ. Он пишет о чем угодно, о людях, он переходит потом к мемуаристике где-то с конца сороковых годов, то есть он пишет о своем детстве очень много, но вот лабораторию автора мы там почти не найдем.

СМОТРИ ТАКЖЕ

[Клевета как улика. Судьба драматурга Сергея Ермолинского](#)

Тем удивительнее, что потом где-то в конце, во второй половине сороковых годов он пишет о странной истории, которая с ним произошла после того, как Акимовым была поставлена пьеса "Тень". А надо тут еще раз сказать, что Акимов был тем самым режиссером, который вынуждал фактически Шварца писать не детские пьесы, а взрослые. И Акимову мы обязаны появлением "Голого короля", обязаны тем, что Шварц написал "Тень", тем, что он написал "Дракона". Вот эти три пьесы фактически были сделаны по требованию, я бы сказала, жёсткому Акимова, который стоял над Шварцем, а Шварц, надо сказать, часто сопротивлялся этому. Потому что он всегда понимал, что вот он сейчас напишет, а завтра это отменят, потому что его пьесы не пойдут. Шли исключительно детские вещи.

Николай Акимов. Эскиз декорации к спектаклю по пьесе Е.Шварца "Тень", 1940.

Так вот, с “Тенью” вдруг получается чудесная вещь. Она в течение года идёт на сценах театра, потом её, соответственно, конечно же, снимут, но более того, она попадает в так называемую декаду искусств, идёт в Москве, она вполне неплохо проходит всякие конкурсы того времени. А 1940-й год загадочный, там много что было перед войной на культурной арене позволено. Почему, мы до конца этого еще не знаем, но во всяком случае выпускались многотомники писателей, которые раньше просто были запрещены, выходила ахматовская поэзия, и вот шел “Дракон”.

“ Шварц приглашен в Кремль на большой банкет

Так вот, возникает декада искусств и Шварц приезжает и описывает историю, как он приглашен в Кремль на большой банкет. На дворе 1940-й год, еще раз напомним. И он пишет о том, как он проходит по ступеням Кремлевского дворца, как он видит бесконечные картины, портреты Александра Третьего в большом количестве, что Кремль очень отличается от того Кремля, который он видел когда-то там в 1914 году, когда он посещал его студентом. И это совсем какое-то уже другое место. Но он понимает, что он идет в какой-то источник новой силы.

Ему дают номер и сажают за столик. Нарзанные мальчики рядом с ним сидят и две непонятные дамы, то ли балерины, разговаривать не с кем. "Я пил коньяк, - пишет он в дневнике, - и ел, и молчал, и чувствовал себя неловко, как полотёр, которому дали на кухне поесть, но тем не менее следят в оба, как бы он что-нибудь не унёс".

Иван Толстой: Простите, а как нужно понять “нарзанные мальчики”? Мальчики, которые ничего, кроме нарзана, не пьют?

Николай Акимов. Портрет Евгения Шварца, 1939.

Наталья Громова: Да, ничего, кроме нарзана, и главное, что эти мальчики следят за каждым, их по двое, за каждым участником этого банкета. И он говорит: "В какой-то момент вдруг оказалось (он сидит где-то далеко, чувствует себя отчаянно плохо), вдруг стало можно передвигаться по залу". И он пишет, что "добредя почти до границы запретной зоны (а что такое запретная зона? Впереди сидит вот эта самая банкетная группа во главе со Сталиным), я сел рядом с Акимовым достаточно близко для того, чтобы разглядеть Сталина. Он казался старше, чем представлялось.

Глядел сумрачно. Бесплодное желание понять явление, разглядывая его снаружи, и на этот раз только сбило с толку. Уж очень Сталин походил на пожилого и строгого грузина и только”.

И тут вот напишет: "Сущность явления сказывалась более ясно в чёрных людях, проверявших колосники, в подавальщицах, шагающих в такт под оркестр, в притаившихся нарзанниках”.

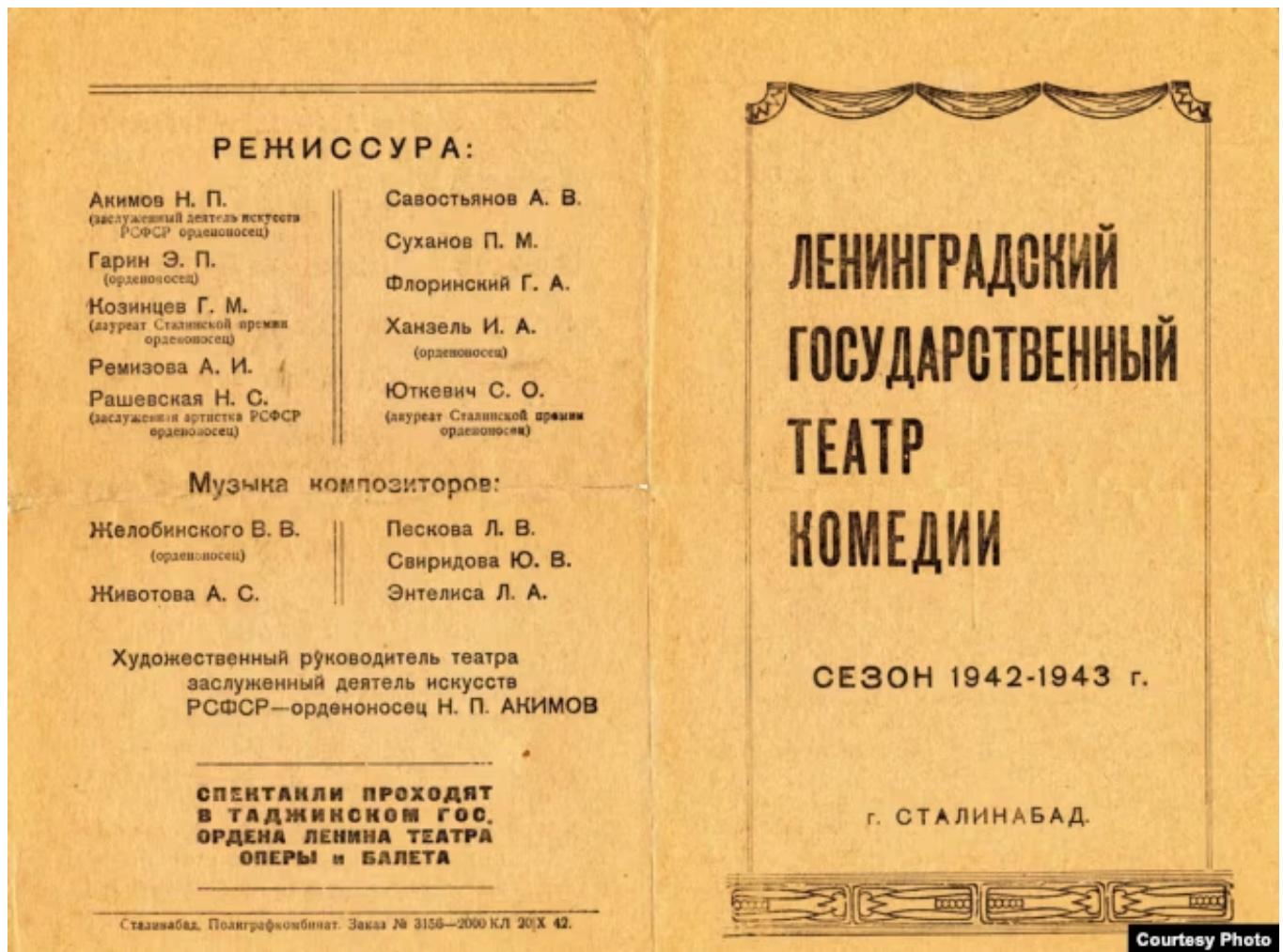
“ Дело не в этой фигуре только, а в этом мире, которое создаёт ощущение страха

И вот здесь он начинает нащупывать эту важную тему, что дело не в этой фигуре только, а в этом мире, которое создаёт ощущение страха. Там чудесное описание, я не буду сейчас приводить, как пляшет балерина Анисимова, недавно

освобождённая из тюрьмы, и как у неё падает оборка, и все ахают и думают: "Всё, что-то случится", но она её быстро поднимает. И как всё исполнено каким-то ощущением ужаса. То есть это не пьянство, не радость, это какое-то постоянное ощущение возможного страха.

И вот именно после этого посещения Шварц начал работать над “Драконом”. Потому что все всегда пишут, что в 42-43-м году. Ничего подобного. Он пишет: “Осенью 40-го года я читаю Акимову первый акт “Дракона”. Потому что, как мне кажется, встреча с главным героем его пьесы уже состоялась. Он на него посмотрел.

Итак, в 1943 году Акимов переводит Шварца, работавшего завлитом в БДТ из Кирова, в Ленинградский театр комедии, в котором он сам служит в Сталинабаде, в эвакуации. И получает от Шварца экземпляр пьесы. Получает разрешение поставить спектакль.

Театр Комедии в эвакуации. Сезон 1942-1943. Сталинабад. Обложка программы.

Спектакль играется, спектакль идет. Надо сказать, что Акимов делает свои великолепные афиши, свое великолепное оформление, костюмы, то, что нам, к счастью, осталось. Когда зимой идут репетиции, для Шварца это каждый раз удивление. Он не верит никогда, что его пьеса может идти. Он прекрасно знает, что это это какая-то ошибка. И когда к нему зимой 1944 года приходит известие, что уже Охлопковский театр, театр Завадского, Камерный, Вахтанговский все хватают, все рвут на части, то он пишет: “Я всегда верю в очень плохие новости и очень плохо верю в хорошие новости, разумеется, как и все советские и прочие люди, именно так”.

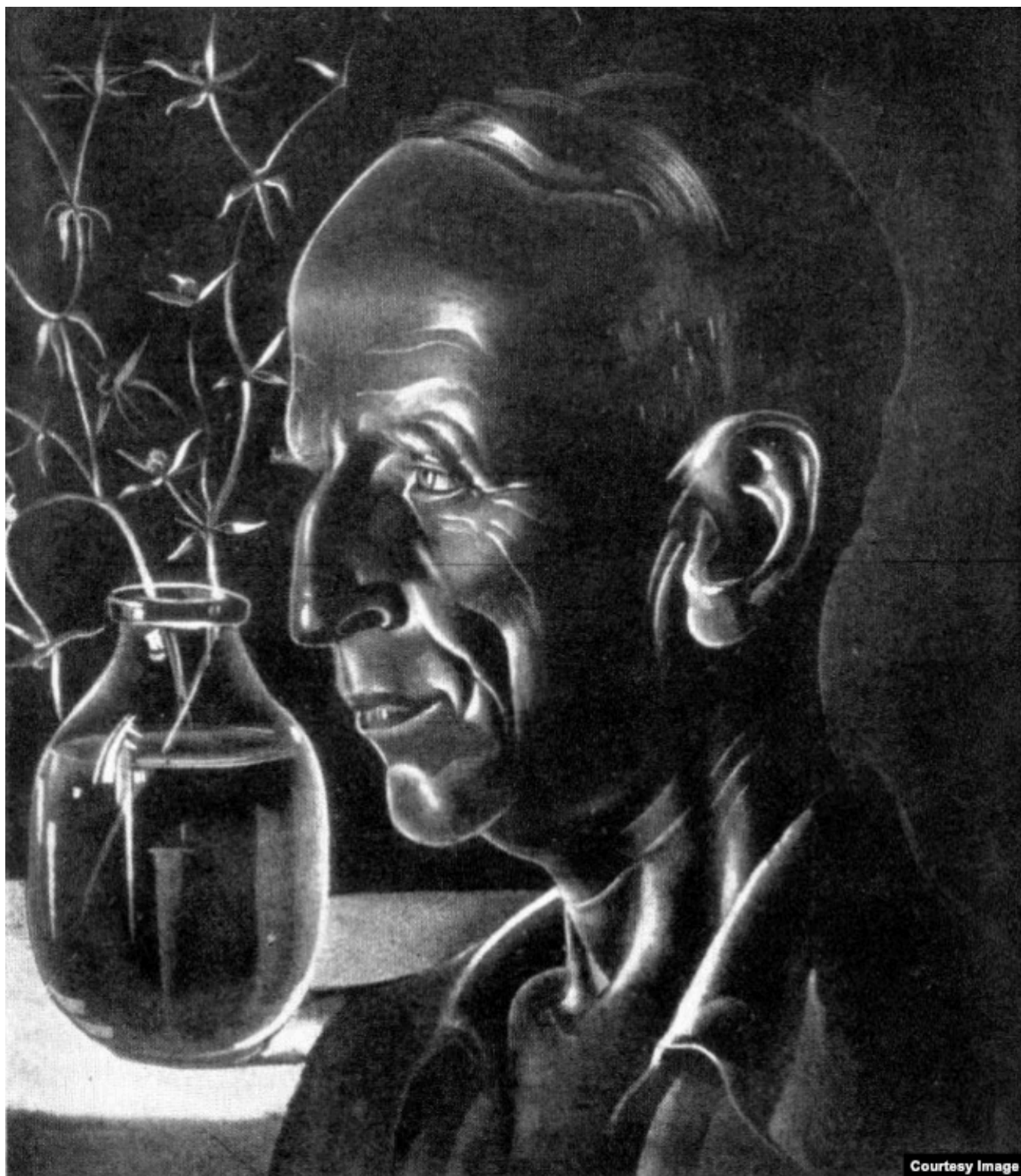

Н. П. Акимов. Эскиз костюма Ланцелота. 1943 г.

Courtesy Image

Николай Акимов. Эскиз костюма Ланцелота, 1943.

И, конечно же, выходит весной фельетон в газете “Литература и искусство”, в малозначительной газете, но это фельетон под названием “Вредная сказка” Сергея Бородина, человека прекрасно известного по скандалам с Мандельштамом, с Надеждой Яковлевной, вообще человека неприятного, со своей особой репутацией. Бородин говорит, что не может быть, чтобы люди были подвержены таким рабским чувствам, что эти люди должны были восстать. И он говорит, что пьеса Шварца - это беспардонная фантазия. Мораль этой сказки, он говорит, ее намек заключается в том, что незачем, мол, бороться с драконом. На его место сядут другие драконы помельче. Да и народ не стоит того, чтобы ради него копыя ломать.

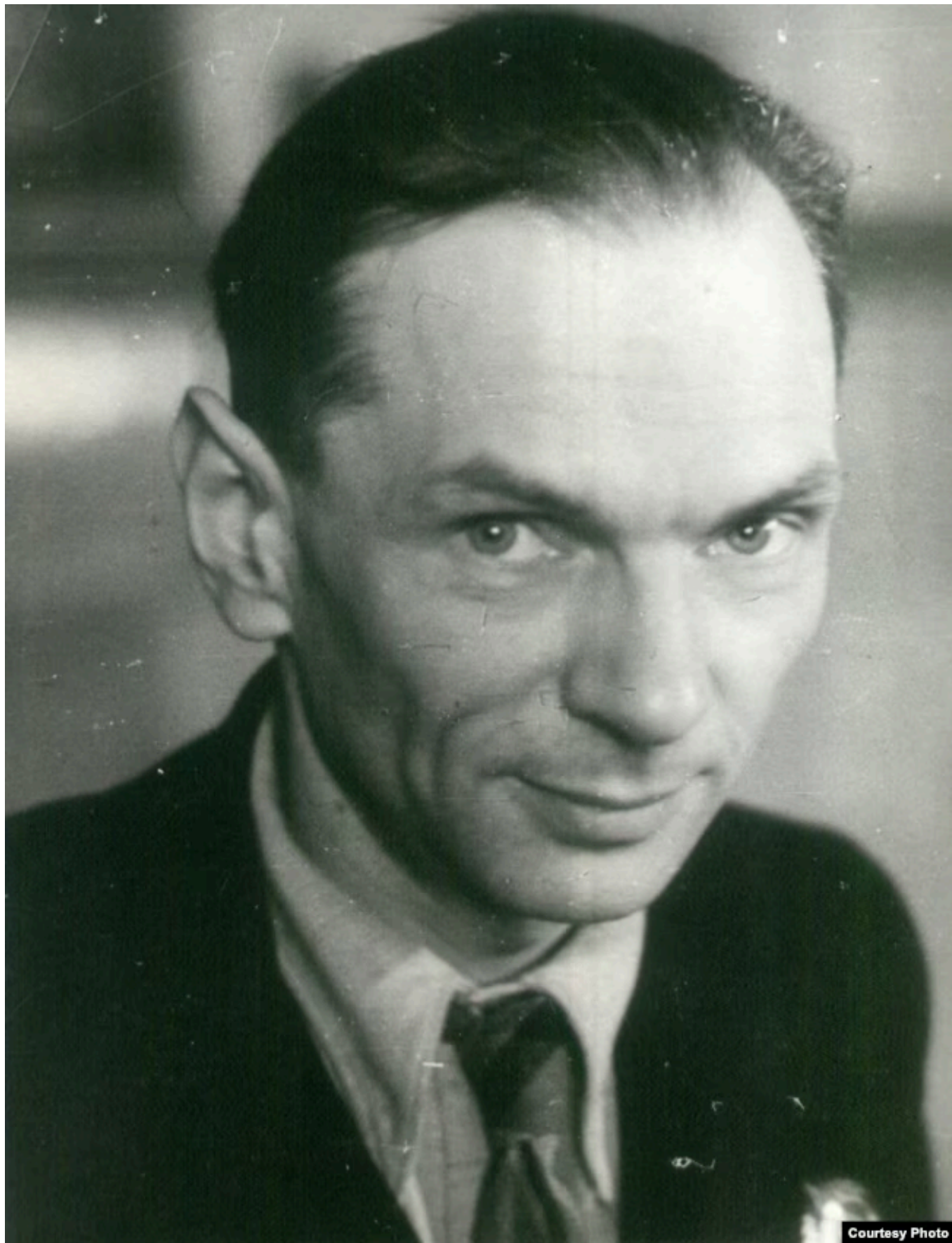

Николай Акимов. Портрет Евгения Шварца, 1942.

С праведным гневом он восклицает: “Каким надо обладать черствым сердцем, как далеко оказаться от общенародной борьбы с гитлеризмом, чтобы сочинять подобную драконеаду”. И в резюме он пишет: “Шварц сочинил пасквильно-героическую освободительную борьбу народа с гитлеризмом. Затем и понадобился автору язык иносказания, сказочная вуаль, наброшенная на пацифистские идеи”.

Бородин, конечно, немножко придаёт второй смысл сказке, потому что он всё время говорит, что всякий народ готов на восстание. Этого не может быть, чтобы этот народ не сопротивлялся рабству.

Пока еще эта рецензия в ход не идет, но уже, в общем, как пишет Шварц в дневниках, “у меня испортилось резко настроение, я понял, что дело идет к концу”.

Николай Акимов. Фото 1940-х гг.

К концу 1944 года, когда идет подготовка к возможным показам, он получает письмо от своего замечательного друга, заведующего БДТ Леонида Малюгина, с которым они очень подружились в Кирове, автора, кстати, пьесы о Чехове “Мое счастье”, очень, кстати, честного и порядочного человека, который ему пишет

очень смешно в письме: "Давайте условимся, что этот город находится на территории Германии, и тогда нам станет легче".

Он это пишет в таком открытом письме Шварцу. И это очень важная, надо сказать, мысль, потому что когда 30 ноября происходит в Комитете искусств обсуждение "Дракона", то вот тут-то всё замечательным образом открывается, потому что, понимаете, в чем чудо происходящее? Советская армия побеждает и побеждает, конец 44-го года. Все находятся в каком-то возбужденно-счастливом состоянии. Даже, кстати, в дневниках Алексея Толстого было записано: "Нас ждет после войны НЭП, полное счастье, полная свобода". В общем, какие-то безумные надежды на то, что грянет освобождение, вместе с освобождением от фашизма мы вдруг освободимся еще и от всего остального.

“ Вообще в Советском Союзе лучше бы пьесу не ставить

Ну, вот в Комитете искусств этот спектакль, эту пьесу, в общем, принимают с восторгом. Но как ее принимают? У всех членов обсуждения, а там есть и Образцов, и Эренбург, и Погодин, и Сурков, очень

разношерстная публика. Они говорят все время о Европе, они воспринимают эту пьесу как пьесу, направленную на борьбу с гитлеризмом, которую надо показывать во всех театрах, которые захвачены были Гитлером. И мы всем покажем, вот во что вы превратились при помощи дракона. Интересно, что дело доходит даже до того, что кто-то из тех, кто обсуждает, говорит, что вообще в Советском Союзе лучше бы ее не ставить.

Вот пусть она остается на Западе, потому что она вообще про Запад. Но это какая-то тоже двойственная ситуация, потому что Образцов ужасно хочет эту пьесу ставить в Кукольном театре. Она всем нравится. Но умный Николай Погодин начинает делиться мучительными сомнениями. Есть какие-то вещи, говорит он, которые вызывают ненужные ассоциации. Государство есть государство, особенно в такое острое время. Если автор задался такой страшно тяжелой непосильной задачей, то, естественно, он здесь может где-то пускать пузыри. Эти пузыри видны каждому из нас. И эти пузыри могут толковаться политически как ненужные ассоциации.

Николай Акимов. Портрет Евгения Шварца, 1942-1943.

То есть, понятно, как загнута, да? То есть все, кто надо, те поймут. Погодин боялся, и это правильно. Образцов говорил о том, что нужен второй вариант. И они все упирают на то, что народ не виноват, что всё-таки драконизация происходит именно потому, что приходит такой сильный дракон, он как бы развлекает свою

верхушку, а вот народ, ну причем тут народ? А вот у Шварца что-то все-таки народ как-то причастен. У него вот эти вот души развращенные. Давайте вот как-то это почистим, а все остальное будет очень хорошо. Давайте сделаем народ более здоровым.

“**Надо заставить Дракона работать на советскую идею**”

На что Шварц вяло соглашается. Эренбург признает международную политическую актуальность пьесы. Мы не знаем, о чем говорили на Тегеранской конференции, но мы знаем, что Молотов сказал, что может

быть разбита фашистская армия, но нужно еще морально и политически разгромить фашизм. Это является заявлением нелегкомысленным и недвусмысленным, а совершенно точным. Эта сатира посвящена моральному разгрому фашизма. То есть надо заставить Дракона работать на советскую идею.

Ну, понятно, Сурков против фашизма. Они все повторяют слово фашизм, и они ему все время аккуратно говорят: давайте уберем вот это про цыган, слушайте, какие-то возникают ассоциации с евреями, ну, при чем тут вообще евреи, давайте уберем какие-то намеки, которые нас приводят к узнаваемым вещам. И в конце концов, Александр Васильевич Солодовников, председатель по делам искусств, приводит главный вывод из этого обсуждения: Ланцелот - это демократия, а Дракон - это фашизм. Борьба сил демократии, значит, в пьесе с силами фашизма. Всё здорово, прекрасно. Можно пьесу принимать. Но с поправками.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

ТЕАТР

Комедии

Э. Шварц

ДРАКОН

Дракон. Программа спектакля. Театр Комедии, 1962. Оформление Н. Акимова.

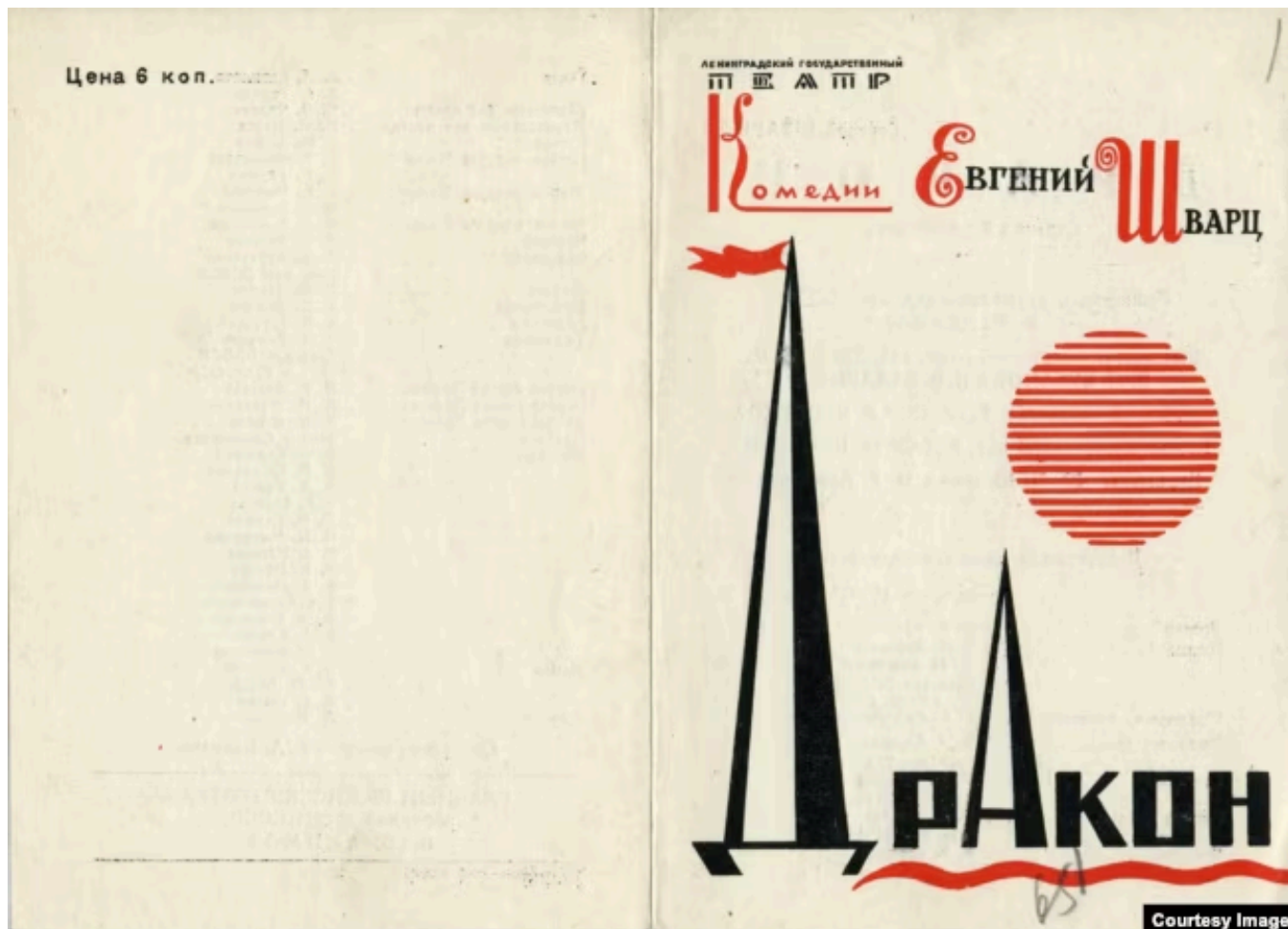
И вот тут начинается интересное, потому что тот вариант, который мы с вами знаем, он на самом деле окончательный и он абсолютно такой же сильный получается, хотя он Шварцу не нравился. А первый вариант лежал в архивах. Его в свое время, как ни странно, поставили в Ташкенте в середине 1980-х годов. Вставили туда очень много архивных поправок и сделали его чуть-чуть по-другому. Все-таки, конечно же, Шварц не писал просто реально антисталинскую пьесу. Он писал пьесу антитоталитарную, и он нащупал механизм, как это устроено. Так устроен Гитлер, так устроен Сталин, так устроен любой отвратительный правитель. Но как всегда бывает у гения, и как нам говорил Булгаков, “он всё угадал”. Он угадал больше про Сталина в этой пьесе, чем про Гитлера.

Постановка "Дракона" в театре Комедии, 1962. Ланцелот - Г. Воропаев (справа), Дракон - Л. Колесов. Фото Нины Аловерт.

И в этом смысле эта пьеса вдруг начала обретать смысл. Она с каждым новым появлением то Бургомистра, то Дракона просто расширяется и становится очень существенной. Вот за последние годы после начала войны, это просто удивительно, насколько она актуализировалась.

Режиссер Герман в 1947 году, когда готовился к переэкзаменовке, был ещё мальчиком и жил на даче у дяди Жени. Он очень дружил с ним. В смысле, дружил отец, а маленького Германа оставляли у Шварца и жены, потому что вообще Шварц всегда брал детей себе и дети его очень любили. Он писал в воспоминаниях: "Я думаю, Шварц и его поколение жили в одну из самых страшных эпох в истории человечества. Я думаю, Шварц писал об этом времени и ощущал, что рискует, но надеялся, что власти не заметят. Вот что я думаю. Потому что не понимать, что он написал в "Драконе" о злодее Сталине, что это антисталинская история про мертвые души, гнилые души, прожженные души, не понимать этого он не мог. Он был слишком умен. Следовательно, он надеялся, что все спишется на Гитлера, что это похожие фигуры".

Дракон. Программа спектакля. Оформление Н. Акимова. Театр Комедии, 1962.

Пьесу запретили уже где-то после всех обсуждений, сняли, и она пойдет только в 1962-1963 году, после смерти Шварца, в театре Акимова, и все равно возникнут статьи, где Акимов будет обвиняться в том, что он сделал такой антисталинский памфлет, а Сталина уже разоблачили, и хватит об этом. И, в общем, у пьесы не будет в этом смысле особенно счастливой судьбы.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Дневники о преходящем и вечном. Судьба Варвары Малахиевой-Мирович

И последнее, что я хотела сказать. Меня поражает в Шварце, что он ставит диагноз этому кошмарному обществу, в котором он живет. Он, судя и по дневникам, и по его разговорам, будучи человеком невероятно тонкой душевной организации, невероятно интеллигентным, он никогда не отделяет себя от этого несчастного, прожженного народа. Он знает, что он не Ланцелот. И я хотела прочитать цитату, которая меня просто поражает из его дневников. Она написана в январе 1943 года, когда идет работа над “Драконом”. И так как он человек был еще тайно-

религиозный, то вот ее смысл именно в этом. В том, как он вообще воспринимает свое место в мироздании:

“Бог поставил меня свидетелем многих бед. Видел я, как люди переставали быть людьми от страха. Видел, как погибали целые города. Видел, как убивали. Видел, как продавали. Видел, как ложь убила правду везде, даже в самой глубине человеческих душ. Лгали пьяные, лгали в бреду, лгали самим себе. Видел самое страшное: как люди научились забывать. Бог поставил меня свидетелем многих бед, но не дал мне силы. И поэтому я вышел из всех бед жизни. Но душа искалечена. Я не боюсь смерти, но людей боюсь. Вот о чем моя душевная болезнь. А кто стал бояться людей, тот уже не судья им и даже не свидетель в том суде, который все же будет когда-нибудь. Когда начнется суд, бедный трус подумает: "С моим терпением и молчанием я соучастник, я не свидетель и не судья. Когда-то молчал, потому что мне грозит смерть. Как же я смею кричать теперь?" И всё, что он мог рассказать, погибнет. Неужели всё, что я могу рассказать, погибнет? Нет, если я поставлю себя в один ряд и с виновными, и с обвинителями, и не буду судить, и не буду свидетельствовать за и против, а вспоминать, издерживая трепет и страх, говорить”.

Вот мне кажется, это и есть идея Шварца. Говорить то, что может.

	Установите Мобильное приложение Радио Свобода	Установить
	Читайте Свободу в Телеграме	Войти
	Подпишитесь на Свободу в Google новостях	Подписаться

Иван Толстой

Другие статьи и программы здесь: [Герои Ив.Толстого](#)

Этот контент также в категориях

[Поверх барьеров с Иваном Толстым](#)

[Культура](#)

[Герои Ив.Толстого](#)

[Советские судьбы](#)